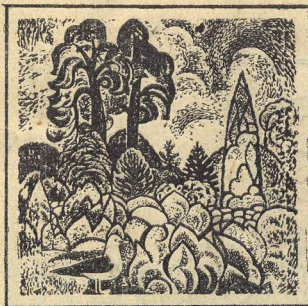

ОРГАН
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

СЕНТЯБРЬ, 1968.
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА»,
МОСКВА

Х. Ээльма,
«Чайка на камне».

наш
СОВРЕМЕННИК

В НОМЕРЕ:

Николай
РОДИН

**ШУРКИН
РОДНИК**

Ида
ВЕКШЕГОНОВА
Владимир
СОКОЛ

СТИХИ

Сергей
НИКИТИН
**ПОСЛЕДНЕЕ
ЛЕТО**

Хэдли
ЧЕИЗ
**СИЛЬНЕЕ
ДЕНЕГ**

ГПНТБ СО АН СССР

Периодика

СЕНТЯБРЬ
2014

СВЕРЕН
С ФОНДОМ

НАШ СОВРЕМЕНИК

ВАНДА
БЕЛЕЦКАЯ

РЫЦАРСКИЙ ВОЗРАСТ

«Талантливая работа академика Будкера и его коллектива столь смела и оригинальна, что еще недавно не все верили в ее существование, а если и верили, то были убеждены, что выполнить ее удастся лишь в далеком будущем. Эксперимент новосибирских физиков был настоящей сенсацией в мировой науке».

Вице-президент Академии наук СССР академик М. А. Лаврентьев.

«Можно поздравить сибиряков, создавших этот фантастический прибор, и поздравить тем исследователям, которые будут ставить на нем эксперименты».

Академик Бруно Понтекорво.

Академик А. М. Будкер.

ПЕРЕГНАТЬ, НЕ ДОГОНЯЯ

Удивительный это человек — Андрей Михайлович Будкер, академик, лауреат Ленинской премии, директор Новосибирского института ядерной физики.

Вот он сидит верхом на стуле, положив руки на спинку, и возмущается:

— Я не люблю таинственности. Я физик, а не поп. Почему так нельзя сделать?

От него отмахиваются шутя: долго объяснять.

— Нет уж, объясните.

9 часов вечера, но кабинет полон. Один, как и шеф, покачивается, сидя верхом на стуле, другой примостился на директорском столе, третий что-то чертит на доске.

Это не совещание — все собрались стихийно. Ничего особенного не происходит. Для сотрудников создание протон-антипротонного ускорителя — обычная работа. Идея ясна. Осталось уточнить отдельные детали. Вот эти детали как раз и уточняются. В рабочем порядке.

Слышатся слова и фразы, понятные лишь физикам. «При 10^{-9} нет масляных пленок... Поляризованный пучок сразу расслабляется... Каково время жизни?.. Этого не выдержит никакая защита, все кабели полетят к черту... Сейчас он держит 10 миллионов... Как с бросками на сеть?.. Получится мезонная фабрика...»

Кажется, что говорят все разом, но каждый свое. Будкер уже стоит у доски и стучит мелком.

— Подождите, ребята, не горячитесь.

По-видимому, сделано дельное предложение. Все замолкают. Думают. Предложение принято. Теперь отталкиваются от него. Темп замечаний нарастает.

— Не надо меня морочить...

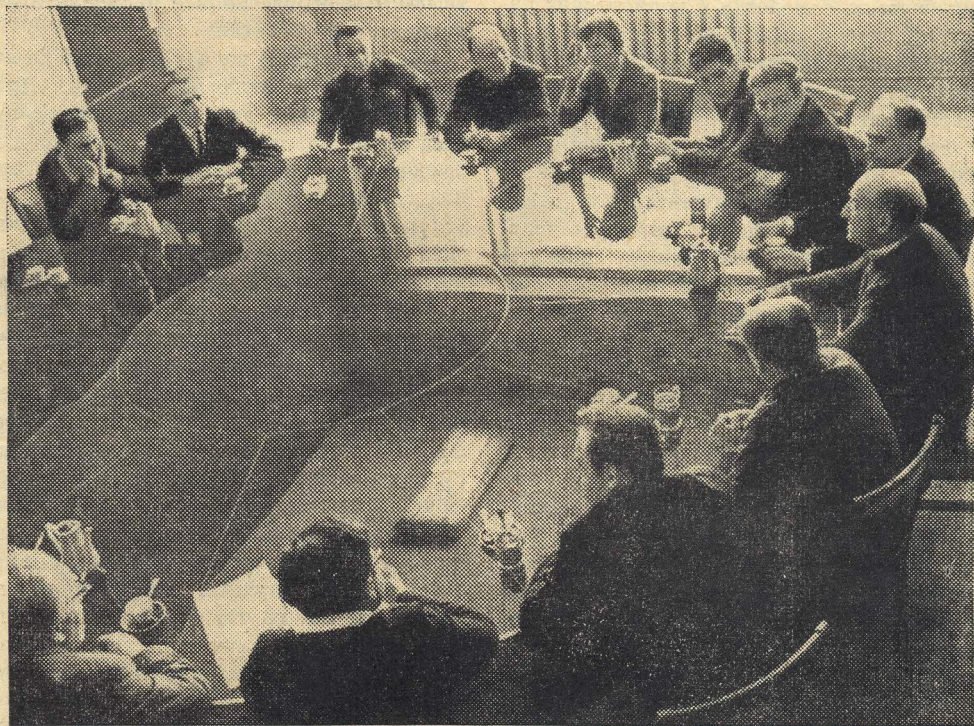
Он так говорит, когда несогласен. Но убедить шефа можно.

— Ну ладно, ладно. Я отказываюсь.

И опять в наступление.

Будкера — первооткрывателя и революционера в науке. Такой он и в мелочах, и в серьезных вопросах. Я видела, как однажды он раздраженно прикрикнул на сотрудника, который, желая помочь, подсовывал уже готовое решение частной задачи: «Оставь, мне самому проще».

Когда лаборатория Андрея Михайловича еще в московском курчатовском институте задумала строить ускоритель, основанный на совершенно новом принципе, за создание которого сибиряки по-

«Круглый стол» в Институте ядерной физики.

— Зачем, зачем вам разрядники? Только потому, что вас так научили на первом курсе?

Кажется, Андрей Михайлович начинает злиться.

— Не говори банальностей! — кричит он.

Директор всегда сердится, когда ему предлагают известное, не раз проверенное решение. «В науке все пути хороши, кроме тех, которыми уже шли». И это не принцип. Это глубже. Это натура

лучили потом Ленинскую премию, большинство ученых искренне считали, что ничего не выйдет.

Помню, сколько мытарств перенесла я сама, написавшая об этой работе очерк: солидные организации, куда очерк был послан на консультацию, вполне дружелюбно советовали: «Не надо печатать, новосибирские физики окажутся несостоятельными».

Но успех пришел. Даже не успех — слава. О новосибирских физиках загово-

рили на международных конференциях, ведущие ученые страны поздравили их с победой, они получили высшие правительственные награды и премии.

Но понять опасения большинства ученых в начале работы было можно — столь оригинальна, смела и трудновполнима была идея Будкера. Очень коротко и приблизительно суть ее можно изложить примерно так. Ученые всего мира любыми способами стремятся проникнуть в извечную тайну Природы — тайну строения материи. Для этой цели они поднимаются в горы, устанавливают приборы на самолетах и космических ракетах, строят гигантские ускорители — микроскопы современной физики. В этих приборах разогнанная почти до скорости света частица бьет по мишени — другой частице, разбивая ее на мельчайшие осколки. Чем больше кольцо ускорителя, тем сильнее его «разрушительное действие», тем глубже может заглянуть человек в недра вещества. Однако аппетиты физиков растут с каждым годом. И скоро ученых, наверное, уже не устроит ускоритель, опоясывающий весь земной шар.

Значит, надо искать какой-то иной принцип ускорения. Этот метод и нашел коллектив Будкера. Они решили пустить навстречу друг другу и снаряд, и саму мишень: два встречных потока частиц.

Представим себе, что на шоссе произошла авария — столкнулись две машины. Что опаснее: если одна из них стояла или обе на бешеной скорости налетели друг на друга? Каждый скажет — опаснее второй случай. Нечто подобное происходит и при столкновении элементарных частиц материи, с той только разницей, что энергия взаимодействия увеличивается не в четыре раза, как при автомобильной катастрофе, а в тысячи раз.

Но одно дело голая идея, а другое — создать прибор, где бы на скоростях, почти равных скорости света, сталкивались два потока мельчайших частиц.

Однако установка заработала. Вот теперь бы повторить этот же ускоритель, но в более крупном масштабе, учтя кое-какие (а они, конечно же, были!) недостатки. Большинство ученых поступило бы именно так. Но только не Будкер. Он начинает создание совсем нового прибо-

ра, еще более сложного, где, по мысли исследователя, столкнется вещество и антивещество. По существу, антиматерия.

Но зачем ученым понадобилось сталкивать вещество и антивещество? Оказывается, при столкновении этих на первый взгляд почти тождественных, а по существу сугубо противоположных частиц материи происходит один из самых острых конфликтов, известных в природе. И как литератор стремится ставить своих героев в критические ситуации, чтобы полнее проявились их характеры, так и физики сталкивают материю и антиматерию, чтобы полнее проявились их сокровенные свойства.

Исследователей влечет в их поиске не только простая любознательность. При соприкосновении вещества и антивещества освобождается количество энергии в тысячи раз большее, чем при термоядерной реакции. Обуздание антивещества — это полеты к другим мирам, это немислимые пока энергетические возможности, которые откроются перед человечеством.

Года два назад, в Америке, выступая перед учеными Стэнфордского университета, Будкер, со свойственным ему юмором, так объяснил свое тогдашнее решение строить этот прибор: «У нас просто не было иного выхода. Большую установку начал делать профессор Пановский, один из наиболее авторитетных физиков Америки. А мы в своем институте не были обременены деньгами, как он, у нас не было столько научных сотрудников, и потом, мы только что перебрались в Сибирь, а насколько мне известно, профессор Пановский не собирался на Аляску. «Выход» был только один — проводить в исполнение совсем новую идею».

Профессор Пановский с галантностью воспитанного человека и честностью настоящего ученого ответил: «Судя по успехам сибирских коллег, нам в Стэнфорде стоит подумать: а не перебраться ли на Аляску».

«Перегнуть, не догоняя» — так коротко можно объяснить весь путь в науке академика Будкера, почерк работы его института.

Недавно я воочию убедилась в силе принципа: перегнуть, не догоняя.

В ходе разработки приборов, связанных с исследованием тайн материи и антиматерии, попутно появилась идея соз-

дания прикладных машин: ускорителей для промышленности и сельского хозяйства. До последнего времени на европейский рынок их выпускали только США. «Вы повторили американские машины?» — спросила я руководителя лаборатории Евгения Абрамяна. Он с чисто будкеровскими интонациями в голосе ответил: «Зачем повторили? У американцев отличные машины, пусть они их делают дальше. Кто повторяет — обречен смотреть в спину впереди идущему. Мы создали свою собственную конструкцию и запатентовали ее у нас и за рубежом. Наши ускорители проще и, что существенно, — дешевле».

Как часто мы произносим, не вдумываясь в смысл, довольно порочную формулу: «незаменимых людей нет». Андрей Михайлович считает эту формулу глубоко аморальной, несущей в себе неуважение к человеку. Что значит заменить одного человека другим, одного ученого другим? Понятие «заменить» тут бессмысленно. Есть исследователь, есть его идеи, стиль его работы, все его своеобразие как человека и ученого. Иванов никогда не превратится в Петрова, а Петров не станет Сидоровым. Все лаборатории в институте — именные. Начальника нельзя «подсидеть», занять его место. Поэтому нет склок. Может случиться, что лаборатория оказалась неудачной — «голова не тянула». Тогда лаборатория расформируется, и никто не спрашивает: почему?

Я помню, как лет шесть назад Александр Скринский (доктор наук, лауреат Ленинской премии, а тогда — недавний дипломник) был заместителем Вениамина Сидорова. (Сидоров теперь тоже доктор наук, лауреат Ленинской премии. До Сибири он работал у Курчатова, проходил практику в Копенгагене у Нильса Бора. Он немного, но все же старше Скринского по возрасту, дольше работает). Однако через год А. Скринский незаметно и для себя, и для окружающих занял ведущее положение на новой строящейся установке. И появилась у него своя, отдельная от Сидорова, лаборатория. А сейчас из лаборатории Скринского отпочковываются лаборатории совсем молодых Саши Соколова и Стаса Попова. Это неизбежно, ши-

рится круг исследований, растет институт, появляются новые способные люди.

И еще одно твердое и неизбывное правило есть в институте Будкера: твою работу лучше тебя не знает никто. Ни директор, ни его замы. Все, что ты считаешь нужным сделать на своем участке, делай, не тратя времени на «согласования» и «утверждения». Нет волокиты. Нет мелочной опеки. Может быть, поэтому так плодотворна работа в институте?

Внешне обсуждения у директора похожи на игру, веселую, увлекательную игру, от которой самое большое удовольствие получает шеф. Впрочем, он все делает легко, красиво, как бы играючи. Когда организовался в Сибири Институт ядерной физики, директору будущего института едва минуло сорок лет. Его ученикам — вдвое меньше. А теперь в Новосибирском ИЯФ проходят международные симпозиумы, сюда едут за консультацией маститые ученые, защищают докторские диссертации «внуки» Будкера — ученики учеников. И это — всего за несколько лет.

Если смотреть со стороны — все легко, шутя. И только близкие люди знают, что Андрей Михайлович за полночь возвращается из института домой, сдерживая тупую боль под лопаткой («почему-то раньше не болело»). Его тошнит от усталости, все анекдоты, которые он так любит рассказывать, забыты, и нет сил, входя в дом, крикнуть, как всегда, жене что-нибудь добродушно-зычным голосом. Где уж тут спокойно почитать литературные новинки, пойти в театр. Ни на что, кроме работы, сил не остается. И только наука помогает поддерживать форму, жить дальше.

Однажды я упрекнула Андрея Михайловича, что прошло уже столько времени, а он все не прочитал «Мастера и Маргариту».

«Да, да, надо. Я очень устал — как раз отдохну. Оставьте мне, пожалуйста».

На другой день он выглядел свежим, отдохнувшим и даже более оживленным, чем обычно. «Понравилось. Сразу видно», — решила я.

